

А. Н. Шими́на

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ¹

УДК 379470)(091)
ББК 74.03(2)

В 15 главах монографии рассмотрены педагогические концепции, взгляды и деятельность российских мыслителей и деятелей образования, особенность организации образовательного процесса Царскосельского лицея (Пушкинский выпуск) и духовных семинарий, проанализирована история становления общественного периода русского педагогического самосознания и история женского образования. В Приложении, в художественной стилистике игр-драматизаций составленных автором, представлены реформы К. Д. Ушинского в Смольном институте.

Ключевые слова: культура, демократия, гуманизм; история отечественной педагогической мысли и образования; персоналии; духовные учебные заведения.

A. N. Shimina

VALUE-SEMANTIC CONTENT OF EDUCATION AND PEDAGOGICAL THOUGHT

In the 15 chapters of the monograph pedagogical conceptions, views and activity of the Russian thinkers and education figures, educational processes of Tsarskoye Selo Lyceum (Pushkin graduation) and theological seminaries are examined, the formation of social period of the Russian Pedagogical self-consciousness and the history of the women education are analyzed. In the Supplement the reforms of K.D. Ushinskij in Smolnyj Institute in the form of dramatic scenes, composed by the author, are represented.

Key words: culture, democracy, humanism; the history of domestic pedagogical thought and education; personalities; theological educational establishments.

¹ Заварзина Л. Э. Культура, демократия, гуманизм в педагогической мысли и образовании России: ретроспективный взгляд: монография / Л. Э. Заварзина. – Воронеж: Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2016. – 328 с.

Само название монографии Л. Э. Заварзиной определяет замысел этого историко-педагогического исследования. Педагогическая мысль и образование России в прошлом на всем протяжении ее исторического развития представлены не в их хронологическом порядке, а в аспекте их ценностно-смыслового содержания, через призму ценностей культуры, демократии, гуманизма, фундаментальное значение которых чрезвычайно актуально в наше время. Тем самым реалии прошлого предстают не как исторические феномены, а органично смыкаются с острозлободневными проблемами современной педагогической мысли и практики.

Предметом анализа автора являются наиболее значимые концепции и деяния видных представителей русской общественной мысли и культуры, причастные к развитию педагогики как науки. Это не учебник и не учебное пособие по истории педагогики, а скорее, собрание очерков, освещающих образовательный опыт учебных заведений (Царскосельский лицей, духовные семинарии), оригинальные педагогические концепции, наиболее важные этапы русского педагогического самосознания, например, такие, как общественный период, возникновение которого обусловлено эпохой Великих реформ.

В предисловии автор поясняет, почему в работе преобладает жанр портретного выражения содержания. Любое портретное изображение ориентирует читателя на повышенное внимание к личности персоналии, индивидуальным особенностям ориги-

нала. По отношению к русским представителям педагогической мысли и культуры прием портретного подхода оказался наиболее адекватным и продуктивным. Дело в том, что на российской почве обращение к проблемам образования и воспитания никогда не было предметом узкопрофессиональной деятельности, оно всегда было сопряжено с осмысленностью всей целостной общественно-политической действительности, выступало, с одной стороны, как необходимая составляющая исторических условий, а с другой — как выявление того непреложного, абсолютного, вечного, что обеспечивает процесс сотворения человеческого в человеке. И надо сказать, автор очень умело сочетает координаты прошлого и настоящего, разворачивает то социально-педагогическое пространство, в котором педагогические идеи и концепции обнаруживают свою неуывающую силу.

Текст книги позволяет составить представление о самом авторе, создать

его собственный авторский портрет. Что присуще Л. Э. Заварзиной как автору? Кто она по своей манере исполнителя текста? Научный работник по профилю педагогических наук, историк или человек, владеющий пером художественной изобразительности. Текст обнаруживает все многообразие ее ипостасей. Она и то, и другое, и третье. Поразителен массив проработанной и использованной литературы. Автор не декларирует, не высказывает непреложные утверждения, он приводит многочисленные отзывы и оценки современников каждого из именитых деятелей культуры и образования, рассматривая последующую жизнь их идей и концепций в творениях других поколений. Тем самым картина приобретает такую полноту, достоверность, эмоциональную насы-

щенность, которую нельзя найти в отвлеченных суждениях и тезисах наших учебников по педагогике. Обращение к историко-культурному контексту, в рамках которого вызревали те или иные педагогические идеи и принципы, позволяет понять их содержательное наполнение. Так, в частности, нельзя объяснить уникальный опыт Царскосельского лицея (пушкинский выпуск) без учета влияния, которое оказали события Отечественной войны 1812 г. на его педагогический процесс. Патриотические настроения в наибольшей степени способствовали формированию гражданского сознания лицеистов. Но автор справедливо оценивает и значение внутренних условий организации умственной работы и нравственного мира лицеистов, свободы их творческой деятельности. О лицейском периоде жизни А. С. Пушкина есть непревзойденная работа Ю. Тынянова, однако Любовь Элиевна сумела найти свой, значимый для научной педагогики подход к объяснению этого уникального феномена, как-то: состав преподавателей, доверительный стиль общения, характер отношений между лицеистами и др. В результате заведение, предназначенное для подготовки чиновничьей элиты, явилось стартовой площадкой рождения лучших умов и граждан России.

Надо заметить, что Л. Э. Заварзина очень тактично, бережно, с нескрываемой симпатией относится к основным «фигурантам» своей работы, каждому из которых посвящена отдельная глава (В. Ф. Одоевский, Н. В. Станкевич, П. Г. Редкин, А.

Н. Страннолюбский, Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский и др.). Она умеет находить в каждом ту личностную доминанту, ту ценнейшую форму деятельности, которая определяет общественную значимость той или иной личности. Вот, например, портрет В. Ф. Одоевского. Он дан столь целостно, столь выразительно, что не оставляет места для сомнений в признании бескорыстия, благородства и направленности деятельности на общественную пользу этого аристократа-труженика. И все же автор не замалчивает язвительную оценку результатов благотворительной деятельности В. Ф. Одоевского, кумира революционно настроенной молодежи, поэта Н. А. Некрасова, ссылающегося на обращения В. Ф. Одоевского к кулинарному искусству в качестве доктора Пуфа, работу во многих учреждениях чиновничьего аппарата.

Важно видеть субстанциональное качество, без которого нельзя воспитать полноценного человека — его деятельную сущность. Идея основополагающего значения труда, трудового образа жизни человека, нетерпимость к праздности и пустопорожнему проведению времени проходит красной нитью через все сочинения и деяния корифеев педагогической мысли. Фундаментальную роль труда в становлении и развитии человека они обосновали и теоретически, и доказали практически всем опытом своей многотрудной жизни. Эта максима непреходящего значения способом доказательства от противного явственно дает о себе знать в современном обществе, ориентированном, прежде

всего, на потребление и получение удовольствий от жизни. Активность, деятельность, труд, служение общественным интересам — только в этом пространстве может развиваться человек как личность.

Хорошими иллюстрациями в этом плане являются многочисленные наблюдения и высказывания В. Ф. Одоевского. «Наши неудачи, — резюмировал он, — просто следствие нашего незнания и рукавоступия». В Петербурге, писал он в одной дневниковой записи, «все заняты интригами один против другого, — а затем великое ничегонеделание». Древняя столица, сетовал писатель, очень похожа на новую: «О, Москва! О, многообширное и безобразное ничегонеделание». Под стать столицам и провинция: «В Перми (городе) господствует характеристическое дикое рукавоступие». С нескрываемой горечью писал В. Ф. Одоевский и о таких ситуациях, когда затрачивается труд «безмерный, непрерывный, беспощадный», но «в результате две-три капли пользы», потому что «такова наша атмосфера — изобретай паровую машину, чтобы поднять соломинку». Оставалось лишь иронически любопытствовать: «до какой степени у нас простирается понятие о праве ничегонеделания?» (С. 48–49).

Отсюда вытекает глобальная педагогическая задача, которую В. Ф. Одоевский стремился решать всеми средствами. Прежде всего, собственным примером он убеждал соотечественников в том, что величие человека в труде, без труда человек предается унынию, деградирует, все

блага на земле созданы трудом людей. Он ратует за то, чтобы не только в сказках, но и в жизни труд заслуженно вознаграждался, а трудящийся человек пребывал в уважении и почете. Рукодельницы, а не Ленивицы (персонажи сказки В. Ф. Одоевского «Мороз Иванович») должны стать героями нашей жизни. Обращаясь к читателям, писатель не устал повторять: «Нам даром, без труда, ничего не достается» (эпиграф к сказке «Мороз Иванович»); «Брось прохладушки — неделанного дела много» (эпиграф к очерку «Недовольно»). В «Руководстве для первоначального преподавания» он напоминал: «Жизнь человека есть труд, и цель первоначального преподавания есть: *приучить человека знать и уважать труд*» (с. 49).

В каждом из героев очерка Л. Э. Заварзина умеет подметить особенный, педагогически значимый талант. Вот перед нами портрет Н. В. Станкевича. Этот уроженец Воронежской губернии, объединивший в своем кружке единомышленников, не оставил каких-либо внушительных педагогических работ, не считая разбросанных в его письмах оригинальных идей, касающихся воспитания и обучения. Но его редкостный дар, высокого типа талант связан с незримым воздействием на других людей, с талантом общения, при котором авторитет учителя, построенный на его высоких личностных качествах, находит свое продолжение и развитие в последователях и единомышленниках.

Содержательное общение, эста-

фета добрых дел и помыслов, взаимное влечение и воздействие людей друг на друга — закон педагогики. Но те позитивные «взносы», которые один человек привносит в других людей, возможны тогда, когда перед нами Личность с большой буквы, создающая особое поле социального притяжения. Такой личностью и был Н. В. Станкевич. Подчеркнем, что отечественным научным сообществом этот выдающийся мыслитель давно признан как философ, литературный критик, эстетик, теперь же, благодаря исследованию Л. Э. Заварзиной, мы вправе говорить о Станкевиче-педагоге.

Следует отметить одну особенность, присутствующую постоянно в содержательном тексте работы. При анализе различных проблем и оценке деятельности видных педагогов в форме окончательного резюме приводятся высказывания П. Ф. Каптерева. Этот выдающийся отечественный педагог и психолог для автора данной монографии является безусловным и безупречным авторитетом. Безграничное доверие к личности и деятельности классика педагогики для Л. Э. Заварзиной объясняется тем, что творчество П. Ф. Каптерева является для нее объектом всестороннего исследования. Импульсы, идущие от творчества этого крупнейшего ученого, оказались настолько мощными, что стали своеобразной призмой, через посредство которой воспринимается все многообразное поле педагогических явлений. Слияние автора с объектом исследования можно только приветствовать, но превращать того или иного мыслителя

в эталон безусловной истины, творить из него кумира — значит заранее суживать масштаб своей мыслительной деятельности.

Особенностью творческого поиска Л. Э. Заварзиной является обращение к незаслуженно забытым деятелям педагогической науки и практики. Такой поворот в исследовательской работе является особенно ценным и заполняет «белые пятна» в эволюции педагогической мысли. Новаторский характер работы Л. Э. Заварзиной проявляется не только в авторской трактовке, казалось бы, известного материала, но и в том, что она поднимает нераспаханную целину, вводит в научный оборот забытые имена и идеи. Так, на страницах монографии законную прописку получает многогранная и общественно значимая деятельность П. Г. Редкина, расцвет которой пришелся на период Великих реформ. Для интересующихся историей педагогики и образования незаслуженно забытой персоной является также личность А. Н. Страннолюбского. Хочется верить, что молодые историки педагогики, следуя почину Л. Э. Заварзиной, глубоко и полно исследуют деятельность этих и других выдающихся деятелей российской педагогической науки и образования.

Однако, обращаясь к педагогическим именам, которые, как говорится, у всех на слуху, Л. Э. Заварзина находит такие аспекты, которые еще не были предметом историко-педагогического исследования. Так, современные историки педагогики вряд ли знакомы с оценкой, данной П. Ф. Каптеревым педагогическо-

му творчеству и деятельности Л. Н. Толстого. Автор «Дидактических очерков» еще при жизни «великого Льва» неоднократно стремился разобрататься в педагогических противоречиях писателя.

П. Ф. Каптерев глубоко исследовал педагогические идеи Л. Н. Толстого, что позволило ему в первые годы советской власти (1919) сделать верное, на наш взгляд, заключение: «Толстой взят и использован более с внешней стороны, чем с внутренней, в его положительном творчестве он почти не тронут, не почат» (с. 216).

Заслуга Л. Э. Заварзиной состоит также в том, что, пожалуй, впервые, рассматривается ею как педагогический источник «Дневник старого врача» Н. И. Пирогова.

Над некоторыми темами автор работает не один десяток лет. Так, впервые педагогические взгляды В. В. Розанова были рассмотрены Л. Э. Заварзиной в учебном пособии «Педагогика: исторические портреты» (Воронеж, 1997). Затем она опубликовала три статьи педагогической направленности в «Розановской энциклопедии» (М., 2008). Поэтому глава, посвященная В. В. Розанову, представляет собой глубокое обобщение, помогающее молодым исследователям понять суть педагогических идей такого оригинального мыслителя, как автор «Сумерек просвещения».

Все главы монографии органически связаны между собой такими важнейшими для личности и человеческого общества ценностными понятиями, как *культура, демократия, гуманизм*. Именно такие от-

личительные черты присущи учению К. Д. Ушинского о народности в общественном воспитании, прошедшем испытание и временем, и идеологией. Л. Э. Заварзина указывает причины, обусловившие его забвение. Молодое поколение будет удивлено, если не шокировано такими, например, заключениями большевиков, сделанными вскоре после Октябрьской революции (1917): термин *русская история* есть контрреволюционный термин; «купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций» русский народ может ценой собственного унижения, пренебрежения и даже искажения собственной истории; недопустимо, чтобы современные литераторы, в частности, поэт С. Есенин, воспевали «русское начало» (с. 175). Однако в годы осложнившейся международной обстановки во второй половине 30-х годов XX века советское руководство осознало, насколько ценна и актуальна педагогическая концепция К. Д. Ушинского и как она важна в воспитании подрастающего поколения. Была

восстановлена не только научная справедливость по отношению к великому педагогу, но и еще раз доказано, какой жизненной силой обладает воспитание.

К. Д. Ушинский, видимо, стал настолько близок Л. Э. Заварзиной, что она решилась «оживить» этот образ, посвятив реформаторской деятельности основоположника отечественной педагогики в Смольном институте благородных девиц, драматические сцены в двух действиях. Полагаем, что это небольшое художественное произведение заинтересует студентов историей педагогики, возможно, больше, чем какой-либо учебный материал.

Полагаем, что книга Л. Э. Заварзиной будет прочитана с неслабевающим интересом не только специалистами в области педагогических наук, но и студентами, преподавателями, всеми интересующимися отечественной историей, культурой и образованием.